

§ 5. О литературе и искусстваах

Рядом со святым, справедливым, истинным, нам следует рассмотреть и изящное. Можем ли мы, на основании политико-экономических данных, сказать, что и в сфере литературы и искусства также нельзя допустить продажности? — Я попробую не доказать подобную возможность, но только дать ее почувствовать потому, что в вопросах личного вкуса и совести главная роль принадлежит не рассудку.

Заметим прежде всего, что между сферами религии, правосудия, науки и сферами поэзии, красноречия и искусства существует тесная связь, вследствие которой они подчиняются одним и тем же законам. Литература и искусство первоначально относятся к правосудию, как форма в метафизике относится к содержанию. Впоследствии между ними проводится резкая граница, но сначала судьба их солидарна.

Нравственные и религиозные идеи воплощаются в поэтических произведениях, проявляются в гимнах, храмах, статуях, картинах, легендах, мифах и т. п. произведениях искусства, в которые входит и элемент промышленный, но которые тем не менее не могут служить предметами торговли. Можно ли представить себе царя Давида, берущим деньги за свои гимны, или архитектора Гирама — собирающим плату за вход в храм, им построенный; Боссюэта — требующим вознаграждения за свои речи, или наших священников — взимающими с католиков плату за крестный ход, совершаемый в праздник?

Тоже можно применить и к светским произведениям искусства. Первоначально законы писались стихами, которые дети выучивали наизусть, — так по крайней мере говорит Цицерон о законах двенадцати таблиц, но ни кому и в голову не приходило считать их собственностью законодателя. Барду, воспевающему сражение давали награду, но его услуга не покупалась на деньги. Тиртей, требующий от лакедемонян платы за свои песни, потерял бы всякое обаяние. Еще труднее вообразить себе Руже де Лиль (Rouget de l'Isle) требующим после жемманской битвы вознаграждения за свою «Марсельезу» и опирающимся при этом на принцип экспроприации вследствие требований общественной пользы. Я хочу высказать довольно жестокое желание: Руже де Лиль умер, забытый всеми, в глубокой нищете; злопамятность правительства и реакционная эпоха были тому причиной, но я был бы сильно огорчен если бы правительство сжалилось над ним и назначило ему пенсию. Я готов стоять за сооружение памятника Руже де Лиль, но я восстал бы против назначения ему жалованья. В одну прекрасную ночь его посетил гений революции и передал ему слова и голос Марсельезы. После того Руже де Лиль пробовал было продолжать карьеру певца, но неудачно. Это доказывает, что мысль, выраженная им в Марсельезе, принадлежала не столько ему, сколько обществу; что она относится к числу вещей неоценимых.

Руже де Лиль был в бедственном положении, — до этого никому нет дела, кроме разве друзей его. За великое произведение, обессмертившее его имя, республика не обязана была награждать его ничем, кроме венка. Вопреки господствующему предрассудку, я утверждаю, что любовь к родине и поступки, вызываемые этим чувством, — непродажны. Поэтому, литератор и художник настолько же отличаются от промышленника, на сколько солдат-гражданин отличается от солдата-наемника.

В настоящее время литература и искусство могут быть свободны, т. е. не зависеть ни от церкви, ни от правительства, не преследовать ни религиозных, ни политических, ни педагогических целей. Будем ли мы применять наши строгие правила и к этой независимой литературе и к этому независимому искусству?

Будем говорить об истинном писателе, об истинном артисте, т. е. о таком, для которого чувство изящного стоит выше ремесленных и утилитарных соображений. Подобный человек, при полной своей независимости, не может отрешиться от святости своего призвания. Он передатчик, провозвестник божественных истин, он — просветитель общества, назначение его вытекает из самого его дарования. Таким образом, мы возвращаемся к своей исходной точке, к различию между вещами продажными и непродажными; первые составляют сферу полезного, вторые относятся к сфере совести, идеала и свободы.

Пусть поймут это гг. артисты и литераторы; поэзия, красноречие, живопись, скульптура, музыка, по существу своему так же неоценимы, как правосудие, религия, истина. Целый мир открыт для поэзии и искусства, никаких границ для них не существует; сами они служат одной только истине, отступить от которой не могут, не унижая своего достоинства. Только из соединения рассудка, права и искусства вытекает свобода человека, но каким же образом может осуществиться подобная эмансипация, если художник и писатель будут рабами чувственности, льстецами порока, если они будут трудиться из-за денег и хлопотать об одной выгоде, как откупщики или ростовщики? — Продажное искусство, как женщина, торгующая своею красотой, теряет все свое значение. Говорили, что искусство независимо от правил нравственности; из приведенного сравнения можно видеть в каком смысле и в какой степени может быть допущена подобная независимость. Есть на свете существа столько же прекрасные, сколько и порочные; есть напротив того и нравственно-безупречные, но обиженные природой. Между тем как порок мало-помалу уродует первых, — истина преображает и украшает последних; таким образом — красота и добродетель, безобразие и порок — в сущности — тождественны, синонимичны. Нет, искусство, — эта религия идеала — не может уживаться с безнравственностью. Никакой талант, никакой гений не справится с подобным положением; художник незаметно впадет в тривиальность, а из тривиальности в бесплодие и погибнет.

Выведем заключение: формы, в которые писатель и художник облачают религиозные, нравственные и философские мысли, на столько же священны, как и сама религия, нравственность, истина. Подобно тому, как судья связан требованиями справедливости, а философ — требованиями истины, — поэт, оратор, художник — связаны требованиями красоты. Они обязаны знакомить нас с этою красотой, потому что их задача — улучшить нас самих, потому что их работа состоит в том, чтобы подвергнуть критическому анализу самую нашу личность, подобно тому как философия подвергает анализу наш разум, а

юриспруденция — нашу совесть.

Арабская пословица говорит: «Нужно припасать сено для осла, но не зачем ловить мух для соловья». Такое правило по-видимому несправедливо, на самом же деле совершенно основательно. Всякий автор, который может жить своими средствами, но тем не менее берет деньги за свои сочинения, поступает неблагородно. Даже для бедного писателя унизительна необходимость, заставляющая его торговаться с издателем. Истинный художник воспроизводит красоту ради её самой, а не для того, чтобы внести ее в ипотечные книги. Великий оратор, увлекающий аудиторию стремится отвлечь ее от мелочных интересов: обратите его в наемника и вы отрежете ему крылья, отнимите у него всю силу. Таким-то образом мы во Франции дошли до того, что только забавляемся громкими речами; нас не проймешь красноречием, как не проймешь и добродетелью. Да, г. де Ламартин, вы, опасаящиеся, чтобы кто-либо не похитил ваших стихов, или вашей прозы, но сами без зазрения совести пользующиеся чужим трудом, вы ясно показываете нам, что литературная собственность есть ничто иное, как литературное попрошайничество. Хорошо если бы вы могли во время остановиться и не показали бы нам, что она кроме того может еще дойти и до распутства.

Продажная поэзия, продажное красноречие, продажная литература, продажное искусство — разве не все этим сказано, разве нужно еще что либо к этому прибавлять? Если в настоящее время мы уже ничему более не верим, то значит все мы продажны, значит мы торгуем своею душою, своим рассудком, своею свободою, своею личностью, точно так же как продуктами наших полей и наших мануфактур. История сохранила рассказ о гражданине, который находясь в крайней нужде занял денег под залог тела своего отца. Многие ли из нас в настоящее время подумали бы о выкупе подобного залога? — Мы готовы скорее прибавить к нему наших жён и детей.

Что касается до вопросов о правительстве, об администрации и об общественной службе, то я позволю себе на этот счет отослать читателя к своему сочинению: «О теории налогов».

Версия #1

Зверобой создал 24 марта 2025 04:15:54

Зверобой обновил 24 марта 2025 04:18:24